

УДК 82(091)

ББК 83.3Укр

Л64

Засновник:

Київський університет імені Бориса Грінченка

Видається з грудня 2012 року

Затверджено МОН України як наукове фахове видання, в якому можуть публікуватися результати дисертаційних робіт (галузь наук філологія) на здобуття наукових ступенів доктора і кандидата наук (протокол № 41 від 17.01.2014 р.)

Свідцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації
Серія KB № 21167-10967ПР від 13.02.2015 р., видане Державною реєстраційною службою України

Рекомендовано до друку Вченою радою Київського університету імені Бориса Грінченка
(протокол № 3 від 26.03.2015 р.)

Редакційна колегія:

- Бондарева Олена Євгенівна — директор Гуманітарного інституту Київського університету імені Бориса Грінченка, доктор філологічних наук, професор (голова редколегії);
- Єременко Олена Володимирівна — професор кафедри української літератури, компаративістики і соціальних комунікацій Гуманітарного інституту Київського університету імені Бориса Грінченка, доктор філологічних наук, професор (заступник голови редколегії);
- Кудряшова Оксана Валентинівна — доцент кафедри української літератури, компаративістики і соціальних комунікацій Гуманітарного інституту Київського університету імені Бориса Грінченка, кандидат філологічних наук (видавничий редактор);
- Борисенко Катерина Григорівна — доцент кафедри української літератури, компаративістики і соціальних комунікацій Гуманітарного інституту Київського університету імені Бориса Грінченка, кандидат філологічних наук, доцент;
- Буніятова Ізабелла Рафаїлівна — професор кафедри англійської філології Гуманітарного інституту Київського університету імені Бориса Грінченка, доктор філологічних наук, професор;
- Волошук Лариса Валентинівна — доцент кафедри української літератури, компаративістики і соціальних комунікацій Гуманітарного інституту Київського університету імені Бориса Грінченка, кандидат філологічних наук, доцент;
- Іллінська Ніна Іллівна — завідувач кафедри англійської мови і літератури Херсонського державного університету, доктор філологічних наук, професор;
- Караман Станіслав Олександрович — завідувач кафедри української мови Гуманітарного інституту Київського університету імені Бориса Грінченка, доктор педагогічних наук, професор;
- Мережинська Ганна Юріївна — завідувач кафедри історії російської літератури Київського національного університету імені Тараса Шевченка, доктор філологічних наук, професор;
- Поліщук Ярослав Олексійович — завідувач НДІ літературознавства Київського університету імені Бориса Грінченка, доктор філологічних наук, професор;
- Сінченко Олексій Дмитрович — доцент кафедри української літератури, компаративістики і соціальних комунікацій Гуманітарного інституту Київського університету імені Бориса Грінченка, кандидат філологічних наук;
- Ткаченко Анатолій Олександрович — професор кафедри теорії літератури і компаративістики Київського національного університету імені Тараса Шевченка, доктор філологічних наук, професор;
- Чеснокова Ганна Вадимівна — професор кафедри англійської філології Гуманітарного інституту Київського університету імені Бориса Грінченка, кандидат філологічних наук, доцент;
- Лавський Ярослав — завідувач кафедри філологічних досліджень «Схід — Захід» Інституту полоністики Білостоцького університету (Польща), хабілітований доктор гуманітарних наук, професор;
- Яніцька Анна — науковий працівник кафедри філологічних досліджень «Схід — Захід» Інституту полоністики Білостоцького університету (Польща), доктор гуманітарних наук, професор;
- Хланьова Тереза — доцент кафедри східноєвропейських студій філософського факультету Карлового університету (Чеська Республіка), доктор гуманітарних наук, доцент;
- Герард Стен — професор, завідувач лабораторії когнітивної метафори Амстердамського вільного університету (Нідерланди), доктор лінгвістики й когнітології, професор;
- Віллі ван Пір — професор Інституту літературознавства та іноземних мов Мюнхенського університету імені Людвіга Максиміліана (Німеччина), доктор міжкультурної герменевтики, професор;
- Віндер Віанна — доцент Педагогічного інституту Стерлінзького університету (Великобританія), доктор з англійської мови та літератури, професор.

Літературний процес: методологія, імена, тенденції : зб. наук. пр. (філол. науки) / Київ. ун-т ім. Б. Грінченка ; редкол.: О.Є. Бондарева, О.В. Єременко, І.Р. Буніятова та ін. — К. : Київ. ун-т ім. Б. Грінченка, 2015. — № 5. — 192 с.

УДК 82(091)

ББК 83.3Укр

ISSN 2311-2433

© Автори публікацій, 2015

© Київський університет імені Бориса Грінченка, 2015

ЗМІСТ

КОНЦЕПТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВА

<i>Белімова Тетяна</i> . Топос Львова у сучасній українській прозі	3
<i>Білоус Петро</i> . Поняття «простір літератури» у сучасному літературознавстві	7
<i>Гарачковська Оксана</i> . Українська віршована сатира й гумор періоду другої світової війни	11
<i>Жижченко Лариса</i> . Притчовий характер повісті О.Кобилянської «Нюба»	14
<i>Колкутіна Вікторія</i> . Порівняльні дослідження Д. Донцова-критика крізь призму категорії іронічного	17
<i>Комаровська Інна</i> . Мистецтво versus імітат-література: проблема естетичної оцінки виробничого роману 20–30-х рр. ХХ ст.	22
<i>Марчук Людмила</i> . Концептосфера поетичного дискурсу Григорія Білоуса: сковородинівські мотиви	25
<i>Поліщук Ольга</i> . Симулякризація в альтісторичному творі В. Кожелянка «Дефілада в Москві» як вияв глобалізаційних процесів у літературі	29
<i>Рибалка Ірина</i> . Фабульний плюралізм та відкритість художнього тексту	32
<i>Сипа Лілія</i> . Літературно-філософські виміри часу у романі Жорж Санд «Графиня Рудольштадт»	37
<i>Сухарева Світлана</i> . Польськомовна полеміка Йоаникія Гаятовського: між політикою та богослов'ям	41

ПОЕТОЛОГІЧНИЙ ДИСКУРС

<i>Галич Олександр</i> . Роман Карен Харпер як квазі-біографія Марії Болейн	44
<i>Гнілицька Дар'я</i> . Опозиція «місто (цивілізація) / село (природа)» у романі «Щоденний жезл» Є. Пашковського	47
<i>Голькар Абтин</i> . Персидская переводческая рецепция пьесы М. Кулиша «Мина Мазайло»	51
<i>Гуменний Микола</i> . А. Барбюс, Е. Ремарк, О. Гончар: парадигма паралельних структур	54
<i>Динниченко Тетяна</i> . Специфика интертекстуальности в повести А. Жида «Изабель»	59
<i>Дмитрук Лілія</i> . Образ українського селянства у революційному вирі у романі Олексія Кундзіча «De Facto»	63
<i>Маланій Назар</i> . Екзистенціали туги і страху у романах І. Багряного «Людина біжить над прірвою» та Е.М. Ремарка «Час жити і час помирати»	67
<i>Прушковська Ірина</i> . Турецька дитяча драматургія: генеза, розвиток, представники	72

СПЕЦИФИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В ПОВЕСТИ А. ЖИДА «ИЗАБЕЛЬ»

Розвідка присвячена аналізу особливостей інтертекстуальності у повісті А. Жіда «Ізабель»: використанню сюжетів, образів, мотивів, традиційних романтизмів, як зручної форми для втілення авторської філософсько-етичної концепції та як інструменту для створення модерністської іронії; перетворенню «романтичних» стереотипів на простір для модерністської гри з читачем; модерністському переосмисленню гротеска як одного з провідних художніх прийомів гротескно-фантастичної течії на прямих романтизму.

Ключові слова: інтертекстуальність, модернізм, романтизм, запозичення, гротеск, фантасмагорія, іронія.

Во Франции художественное наследие А. Жиде основательно изучено французскими литературоведами (А. Моруа, А. Клуар, П. де Буадеффе, К.-Э. Мани, Ф. Лестренган, П. Лафий, Ж. Мальон, Г. Боден и др.), но в отечественной науке о литературе исследовались только отдельные произведения этого писателя (З. Кирнозе, В. Никитин, Л. Токарев, Л. Еремеев, В. Трыков, Н. Ржевская, М. Якубяк, И. Никитина, Е. Войцеховская, С. Криворучко и др.). Объектом исследования данной работы является повесть «Изабель» (1911). Она стоит особняком в творчестве А. Жиде и неоднозначно оценивается французской критикой. С одной стороны, критики не считают ее значительным произведением с содержательной точки зрения: Р. Буайлесс увидел в ней «каприз искусного садовника», М. Пруст назвал ее изящным «пустячком» [9, с. 681-682], А. Клуар предположил, что писатель «не задумывал здесь серьезного произведения. Его рассказ остается игрой» [8, с. 63]. С другой стороны, все отмечают совершенство стиля произведения: А. Тибодэ говорил о «безукоризненном ритме фразы», А. Суарес восхищался классицизмом «Изабель» [9, с. 681-682]. Повесть «Изабель», в отличие от других произведений А. Жиде, целиком построена на мастерской игре автора-эрудита с претекстами литературы и культуры в целом, что и объясняет разнообразие текстов, с которыми ее соотносят критики – «Житейские воззрения кота Мурра» Э.-Т.-А. Гофмана, «Очи черные» И. Тургенева, новеллы П. Мериме, «Вишневый сад» А. Чехова и др. Предметом нашей статьи является анализ специфики интертекстуальности в повести «Изабель». Исследований, посвященных анализу этого произведения, в отечественном литературоведении нет, а данный аспект не рассматривался и в работах зарубежных ученых.

Сам А. Жид в одном из своих интервью назвал «Изабель» «наименее важной» из своих книг и объяснил, что «...написал ее как письменное задание,

чтобы набить руку»[9,с. 682]. Если вспомнить, метафору, к которой прибегнул писатель в письме к одному из своих друзей, сравнив себя с человеком, который готовясь в дорогу, *«собрал все свои вещи, уложил чемодан, но в последний момент понял, что будет лучше не брать ничего»*[9,с. 682], то можно сказать, что в определенном смысле повесть «Изабель» и была таким «чемоданом». А. Жид создает ее так, как французский повар готовит авторское блюдо: смешивает множество уже известных ингредиентов, приправляет специями по вкусу и искусно оформляет для подачи на стол. И, наверное, совсем неслучайно Бенжамен Флош – один из хозяев имения Картфурш, где разыгрывается действие повести, является ушедшим на покой член-корреспондентом Академии надписей и изящной словесности.

Интертекстуальность в произведениях А. Жида имеет свою специфику. Л. Еремеев отмечает, что писатель часто заимствует *«мотивы, художественные приемы, сюжетные ходы, повторяет саму конструкцию произведений. Все эти сознательные заимствования выступают в творчестве Жида как литературное «продолжение».* Как средство выразить собственное миропонимание в готовых и удобных формах»[2, с. 28]. Используя разнообразные литературные «лекала», писатель *«художественно воплощал философско-этические проблемы применительно к французской действительности и средствами, созвучными, как ему казалось, специфическому восприятию французского читателя»*[2, с. 29]. В рамках нашей работы мы проанализируем интертекстуальные связи с романтизмом как претекстом, поскольку сам А. Жид говорил, что в «Изабель» он хотел изобличить *«определенную форму романтического воображения»*[7, с. 113], о чем свидетельствует первоначальное название повести – «Патетическая иллюзия».

А. Жид, по мнению Ф. Лестренгана, иронизирует прежде всего над *«определенной разновидностью романтизма, а точнее, романтического мифа о фатальной женщине»*[9,с. 678]. Сюжет о роковой женщине, любовь к которой разрушает личность, обесмысливает ее жизнь, опустошает душу и приводит к апокалипсису в судьбе, имеет давнюю историю: от истории Елены Троянской и Париса в «Илиаде» Гомера и до произведений XIX века, непосредственно предшествующего эпохе А. Жида, например, история Грушеньки и Дмитрия в «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского. У А. Жида эта история имеет религиозную подоплеку и является, по мнению Ф. Лестренгана, художественной интерпретацией образа опасной сладострастной женщины-грешницы в католицизме. Такая точка зрения имеет свои основания: главный герой Жерар Лаказ, пишущий диссертацию проповедах католика Боссюэ, становится с одной стороны, субъектом любви к чистому ангельскому созданию, изображенному на портрете, а с другой – объектом дьявольского соблазна, исходящего от порочной женщины. По мнению исследователя, в этой повести *«женщина олицетворяет угрозу и власть, приносящую несчастье. Она воплощена в образе Изабель – Евы с большой дороги, оставляющей за собою трупы и любовников, обезображенного ребенка-бастарда и разграбленное поместье. Эта ненасытная любовница – бездонная прорва. Она проглатывает*

все и всех: от дворянина, от которого забеременела и которого она убивает, до нечистого на руку перекупщика и, затем, кучера, с которыми она спит, а также вековые дубы, обсаженные деревьями аллеи, мебель, библиотеку замка, и даже память своего рода. После нее остаются только развалины...»[9, с. 680]. Однако, женщина в такой интерпретации – это уже не Ева, а скорее Лилит. Н. Фрай считает: *«Лилит должна была бы приходиться матерью демонам и злым духам»*[6, 211], а каббалистическое предание утверждает, что первая женщина Адама (Лилит), убила всех прижитых с ним детей и была им за это отвергнута, а потом была превращена в демона, обуреваемого безудержной женской похотью [1, 486]. Эта мысль отображена в тексте повести: *«Видите ли..., она не может обойтись без мужчины, ей всегда кто-то нужен»*[3, с. 219], – говорит об Изабель садовник Грасьен.

В начале повести Жерар, пребывающий всецело под властью «романтической иллюзии», решает без рассуждений следовать за таинственной Изабель, и только случай мешает ему осуществить свое намерение. Даже во второй части повести, Жерар еще готов идти за этой женщиной куда угодно: *«Сегодня уже ничто не сможет помешать мне», – думал я и улыбался от ощущения того, что мои шаги ускоряются при одной мысли об Изабель; воля моя сопротивлялась, но управляла внутренняя сила», «Я мечтал увезти ее сегодня же вечером в своей коляске»*[3, с. 208-209]. Герою А. Жида удалось избежать соблазна: в финале повести он избавляется от романтических иллюзий: *«Прошлой осенью, будучи в гостях у ваших родителей, я заснул в тиши Картфурша, влюбился во сне и сейчас проснулся. Прощайте»*[3, с. 219]. Порочная Изабель изгнана из рая (сада), а Жерар, избрав добродетельный путь, остается в раю и даже становится владельцем части «райских кушей» – фермы, выкупленной на продаже с торгов. Такой «благоразумный эпилог» является совершенно логичным в свете главной темы творчества А. Жида – темы морального выбора (не случайно А. Тибодэ заметил, что автор мог бы назвать свою повесть «Широкий путь», имея ввиду предыдущие «Тесные врата») [9, с. 681]. Вопрос о выборе возникает уже в самом начале повести: когда герой попадает в Картфурш, ему, кажется, что здесь он, как «Геракл оказался на перепутье... Я знаю, конечно, что ждет его на пути добродетели, но куда ведет другая дорога?...» [3, с. 108]. Картфурш в повести – это камень на распутье, где на одном из указателей написано: за женщиной пойдешь – несчастье и (нравственную) смерть найдешь. Таким образом, в повести «Изабель» «романтический миф о фатальной женщине» используется А. Жидом для выражения собственных религиозно-этических взглядов, а повесть вполне вписывается в непрерывный ряд произведений писателя.

А. Жид в повести «Изабель» обращается и к другим романтическим стереотипам, как к своего рода литературным лекалам. Автор использует всю романтическую «кухню»: старинный сад, заброшенную беседку, пожелтевшее любовное письмо, родовой замок с тайнами, портрет прекрасной загадочной незнакомки, влюбленного юношу, воображающего себя писателем, причудливые фигуры обитателей замка. Из всех «романтических» ингредиентов важнейшим для структуры повести является образ сада – определенного художественного пространства, которое, как «объективно-

субъективная категория, является важным компонентом стилистики, описательной и исторической поэтики»[4, с. 86]. У романтиков образы природы (в частности, сада) часто служили средством для изображения душевного мира персонажей. У А. Жидса образ сада выполняет принципиально иную функцию – художественное пространство сада влияет на сознание героя и моделирует определенное душевное состояние, которое становится отправной точкой для возникновения «романтической иллюзии». Жерар еще на пути к Картфуршу признается: «...моя диссертация была уже не более чем предлог, я... предвкушал приключения. Картфурш! Картфурш! – повторял я это таинственное название...»[3, с. 108]. Таким образом, в повести «Изабель» А. Жид использует «романтический» образ сада как подходящую форму для воплощения своего замысла – «критики определенной формы романтического воображения»[7, с. 113]. Художник создает почти постмодернистский «перевертыш» этого ключевого в повести «романтического» образа, иронически показывая несовместимость романтических умонастроений с современной реальностью.

В повести «Изабель» А. Жид мастерски использует также художественные приемы гротескно-фантастического романтизма, представители которого ощутили и показали в своих произведениях угрозу разрушения человеческой личности, «превращение человека... в некую «машину» в развитом капиталистическом обществе»[5, с. 273]. Это ощущение обуславливает распространенность в произведениях писателей этого течения образов кукол и автоматов, создающих атмосферу театра марионеток. Ф. Лестренган считает, что «Изабель» вписывается в лучшую традицию немецкого романтизма, это книга ироническая»[9, с. 679], а персонажей, населяющих замок, сравнивает с гофмановскими: «у них марионеточные жесты, старомодный слог, наряды отжившего мира. Можно подумать, что оказался при дворе Великого князя Ириней в «Коте Мурре» Гофмана...»[9, с. 679]. Но если представители гротескно-фантастического романтизма с помощью этих художественных приемов «моделировали» взаимоотношения человека с миром будущим, то А. Жид изображает мир уходящий, уже мертвый, показывая невозможность старых отношений в современном мире. У писателя атмосферой театра марионеток пронизано изображение жизни в замке Картфурш в начале повести: барон и баронесса показались Жерару похожими больше на «совершенные произведения искусства», чем на живых людей; вечера в гостинице он сравнивает с китайским театром теней; а через неделю пребывания в имении его охватывает ужас: «...я был посреди серого кошмара, среди странных существ, едва ли людей, с остывшей кровью, бесцветных, чьи сердца уже давно не бились»[3, с. 142]. Единственным, что проводило в движение эти существа и наполняло их существование смыслом, была игра: «...играли в кости, ...играли в карты. В игре было все: дерзость, хитрость, изощренность»[3, с. 137]. Понятие «игра» приобретает у А. Жидса всеобъемлющее значение – обитатели Картфурша не живут, а играют жизнь, не чувствуют, а изображают чувства: «Я как будто присутствовал на спектакле. Но они-то не знали, что за ними наблюдают, так для кого же эти две марионетки разыгрывали трагедию?»[3, с. 193]. Апофеозом этого марионеточного действия является сон Жерара, в котором Изабель превращается

в механическую куклу: «...я вдруг понял: это была не настоящая Изабель, а похожая на нее кукла, которую посадили на место живой Изабель», а когда она начала падать, «м-ль Олимпия... приподняла чехол кресла и завела пружину какого-то механизма, со странным скрежетом водрузившего манекен на место и придавшего его рукам гротескные движения автомата»[3, с. 179]. Все присутствующие знали, что это манекен, но «каждый уходящий приветствовал ее на турецкий манер...»[3, с. 180], когда же гости разошлись и гостиня погрузилась в темноту, Изабель ожила, встала с кресла и обнимая Жерара произнесла: «Для них меня нет, но для тебя я здесь»[3, с. 180]. Образ куклы появляется еще раз в конце повести, когда Жерар наконец встречается и беседует с реальной Изабель: «...и она сама, и ее жизнь стали вдруг для меня безразличны; я сидел перед ней, как ребенок перед игрушкой, которую сломал, чтобы узнать ее секрет»[3, с. 218]. Никакого секрета в ней, конечно, не оказалось – он был лишь в душе самого Жерара. Сугубо гофмановское двоемирие освещено модернистской иронией. Критика «определенной формы романтического воображения» реализуется в противопоставлении пресловутого воображения и реальной действительности.

Фантазмагорическое изображение обыденной действительности предполагало использование гротеска, который для художников «гофмановского» течения «был особенно важен этой своей раскованностью, абсолютной неканоничностью и игровой свободой, не считающейся с внешним правдоподобием, ...но в конечном счете раскрывающей некие глубинные сущности жизни, ее внутренние связи и сцепления»[5, с. 275]. Эта неканоничность и игровая свобода стали очень актуальными в модернизме. В повести «Изабель» А. Жид использует столь любимую им игру зеркал: тусклая реальность отражается в ярком цельном зеркале романтизма, который отражается в расколотом зеркале реальности. В этом смысле примечательна и композиция повести – это ностальгическое возвращение добродетельного благонамеренного героя «к очаровательным переживаниям своей молодости»[9, с. 680].

Таким образом, особенностями интертекстуальности повести «Изабель» являются использование в ней А. Жидом сюжетов, образов, художественных приемов романтизма в качестве удобной формы для выражения собственных религиозно-философских взглядов, инструмента для воплощения своего художественного замысла и создания иронии. Так «романтический миф о фатальной женщине» становится у А. Жида инструментом для иронического развенчания традиционного в католицизме представления о губительной власти порочной женщины; «романтический» образ сада превращается в поле для модернистской игры с романтическими стереотипами; гротеск служит для изображения непригодности романтических иллюзий для жизни в реальной действительности, столь далекой от романтизма.

Источники:

1. Гете И. В. Фауст (пер. с нем. Б. Пастернака) / И. В. Гете. – М., «Художественная литература», 1969. – БВЛ, Т. 50. – 510 с.

2. Еремеев Л. А. Французский литературный модернизм / Л. А. Еремеев. – К.: Наукова думка, 1991. – 120 с.
3. Жид А. Пасторальная симфония. Изабель: [пер. с фр.] / Андре Жид. – М.: АСТ Астрель, 2010. – 221 [3] с. – [Книга на все времена].
4. Копистянська Н. Х. Час і простір у мистецтві слова: монографія / Нонна Копистянська. – Львів: ПАІС, 2012. – 344 с.
5. Наливайко Д. С. Искусство: направления, течения, стили / Д. С. Наливайко. – К.: Мыстецтво, 1980. – 288 с.
6. Фрай Н. Великий код: Біблія і література / З англійської переклала Ірина Старовойт/ Н. Фрай. – Львів: Літопис, 2010. – 362 с.
7. Boisdeffre P. de Le „Christianisme” d’André Gide / P. de Boisdeffre. Métamorphose de la littérature de Barrès à Malraux. Paris: Edition Alsatia, 1953. – P. 91–160.
8. Clouard H. André Gide / H. Clouard. Histoire de la littérature française du symbolisme à nos jours de 1915 à 1940. Paris: Editions Albin Michel, 1957. –P. 48–76.
9. Lestringant F. André Gide l’inquiéteur : Le ciel sur la terre ou l’iniquité partagée : 1869-1918 / Frank Lestringant. T. I. – Paris. : Flammarion, coll. «Grandes Biographies», 2011. – 1168 p.

Старший викладач;

Київський університет імені Бориса Грінченка;

tatiana.dynnychenko@gmail.com;

(066) 00-95-111;

Исследование посвящено анализу особенностей интертекстуальности в повести А. Жида «Изабель»: использованию сюжетов, образов, мотивов, традиционных в романтизме, как удобной формы для воплощения авторской философско-этической концепции и как инструмента для создания модернистской иронии; превращение «романтических» стереотипов в поле игры с читателем; модернистскому переосмыслению гротеска как одного из ключевых художественных приемов гротескно-фантастического течения направления романтизма.

Ключевые слова: интертекстуальность, модернизм, романтизм, заимствование, гротеск, фантасмагория, ирония.

Research is devoted to the analysis of features of intertextuality in the A.Gide's novel "Isabelle": the use of plots, images, motifs, which are traditional to the romanticism as a convenient form for the realization of the author's philosophical and ethical concepts and as a tool for the creation of modernist irony; transformation of the "romantic" stereotypes in the game field with the reader; modernist rethink of the grotesque as one of the key artistic techniques grotesque-fiction flow of the direction of romanticism.

Keywords: intertextuality, modernism, romanticism, borrowing, grotesque, phantasmagoria, irony.